

ОТЗЫВ

**официального оппонента – доктора филологических наук,
профессора Шульженко Вячеслава Ивановича о диссертационной работе
Сергиенко Ирины Владимировны на тему
«В.В. Набоков – литературовед и преподаватель литературы
(на материале лекций)», представленной на соискание
ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 – русская литература, Волгоград, 2016**

Вполне убедительной выглядит формулировка актуальности работы И.В. Сергиенко, в которой строжнейшей является мысль о необходимости реализации особого исследовательского проекта, посвященного знаменитым лекциям В.В. Набокова с точки зрения преломления в них философско-эстетических взглядов писателя. Причем объект исследования строится вокруг его в высшей степени изощренной литературно-интерпретаторской деятельности, начала которой были положены еще задолго до появления постструктурализма, придавшего этому виду научно-художественного творчества особый статус. Тем более значимым представляется предмет изучения – литературоведческая аналитика Набоковым поэтики, рассмотренных в курсе «Лекций» произведений.

Осмысляя новизну выполненного исследования, отмечаешь, прежде всего, что она состоит в попытке определить синкретическую в своей природе аналитическую парадигму, нет, не познания, а – в аверинцевском толковании – понимания текста «Другого», трудность описания которой состоит в предельной субъективности Набокова. Можно сказать, что научная новизна получает свой дискурсионный статус благодаря интенции соискателя воспринять литературоведческую деятельность Набокова по-

настоящему филологичной, самым насущным образом связанной со словесной реальностью, с конкретными текстами, с фактами языка.

Любая, претендующая на научность методология, строится на определенных принципах и приемах, и выявление оных стало целью работы соискателя, которая осуществляется посредством поэтапного решения следующих задач, во многом предопределивших, подчеркнем, и саму композицию диссертации. Сначала описывается философско-эстетические представления Набокова; затем собственно «инструментарий» (совокупность принципов, методов и подходов), применяемый для анализа и придающий вдохновенным интерпретациям весомость и значимость; в завершении с разных сторон и на основе различных историко-литературных материалов характеризуется вклад Набокова в изучение русской и мировой классики.

Начинает диссертант в первой главе «Научно-исследовательский метод В.В. Набокова» с того, что подвергает скрупулезной систематизации источники, благодаря которым и формируется, в конечном счете, эстетическая концепция Набокова-литературоведа. И здесь важна апелляция к Платону, чье «Государство» сегодня многие считают образцом теории литературы, с его литературными константами. У великого грека Набоков берет то, что делает его лекции действительным художественным произведением и что особенно привлекает нашего соискателя: стремление кодифицировать не литературоведение, а саму литературу. Её философия есть, по сути, отрасль эстетики, в которой искусство рассматривается с точки зрения его природы и функции, причем нет даже намека на какую-либо абстрактно-спекулятивную модальность. Набоков вослед своему предшественнику демонстрирует своего рода эпистемологию, проблематизируя и организуя исследуемые тексты. Также соискатель делает не лишнее интереса наблюдение о некотором сходстве набоковской концепции художественного творчества и метафизики древнегреческого

философа, впрочем, совершенно корректно при этом не абсолютизируя влияния последнего, относя его к аллюзивным, «скрытым» планам автора «Лекций».

И. В. Сергиенко также подробно отреферировала и несколько других источников литературоведческой концепции Набокова, увидев, по крайней мере, четыре точки её соприкосновения в акмеизме и символизме, прежде всего, в эстетике Андрея Белого. Вообще, эта часть диссертации представляет наибольшую ценность, особенно выводы автора, касающиеся принятию у русского модернизма столь коронного для набоковского творчества принципа орнаментальности как организующей идеи поэтического текста и усвоения дуалистической концепции действительности.

Открытием следует признать и предпринятое И. В. Сергиенко в этой же главе сопоставление В. Набокова с такой важной фигурой русского литературоведения, которой, бесспорно, является Ю. Айхенвальд, личности до сих пор недооцененной, требующей специального исследования. Автор работы специально подчеркивает особую важность для Набокова убежденности Айхенвальда в неважности для художника социальных условий и среды, выдвижение на первый план «органического соприращения» литературному творению» (С. 34).

Здесь хотелось бы увидеть более подробное описание влияния на Айхенвальда (а через него, следовательно, и на Набокова) лидеров импрессионистической критики Э. Ренана и Э. Фаге, с которых и началась, думается, недооценка «строгости» и «научности», столь свято пестуемых эпохой позитивизма.

В этой главе нам представляется не совсем правомерным и столь резкое противопоставление И. В. Сергиенко критика читателю. В отношении них можно говорить как о носителях одного и того же дискурса, ибо и там, и

тут акцент делается на опыте чтения произведений, их описания, интерпретации, оценки смысла и эффекта. По существу, многие интервью писателя все-таки тяготеют к жанру светской беседы, предполагающим адресатом, в первую очередь, читателя (пусть не обязательно ученого и профессионального), а не всезнающего критика, ориентирующегося на университетскую аудиторию.

Набоковский подход к анализу шедевров мировой литературы, делает вывод диссертант, есть совершенно новое и беспрецедентное явление в мировой науке, противостоящий многим модным концепциям XX века, отрицающий необходимость рабски следовать оригиналу. Конкретное применение эти тезисы, убедительно показывает И. В. Сергиенко, как раз и нашли в тщательной адаптации «Лекций» к курсу русской литературы в американских университетах.

Диссертант приходит к выводу, что в литературоведении Набокова не следует искать ничего скандального, если не считать скандалом то, что в основе его бывшего массового неприятия лежит превращение советского культурного дискурса в прескриптивный, вытеснение любой чуждости и невозможность концептуализации чего бы то ни было в неценочных терминах.

В целом, представляется хорошо выверенным и аргументированным сделанный в конце главы вывод о том, что Набокова-литературоведа не стоит относить к какой-либо из получивших популярность в научном обиходе школ. Его парадигма представляет собой интереснейшую и крайне эффективную структуру, где все входящие в нее элементы: от платонизма, феноменологии и формализма до импрессионизма в трактовках Ю. Айхенвальда и главных эстетических концепций «Серебряного века», преломляются в призме придуманной самим Владимиром Владимировичем

триады – рассказчика, учителя и волшебника. Именно эти три позиции дают столь неожиданный результат пристального чтения.

Во второй главе **«Исследовательский инструментарий, разработанный и реализованный в «Лекциях» по мировой литературе В.Набокова»** И. В. Сергиенко продолжает ту же тему, но переводит ее в другой регистр. Она задается целью рассмотреть то, на чем строится оценка Набоковым важнейших произведений русской классической и зарубежной литературы. И выявляет здесь интересные закономерности, которые, собственно, и формируют «набоковский» феномен в литературоведении. Он буквально «дышит» критикой идеологии (и здесь, думается, И. В. Сергиенко следовало бы больше сказать о формализме), явным, иногда даже слишком демонстративным игнорированием внеязыковых соображений, предельной сосредоточенностью не на смысле или ценности, а на способе, сказал бы де Манн, «производства смысла и ценности». В препарировании Набоковым произведений, как это выясняется по ходу исследования, мощно задействована, с одной стороны, рефлексия, с другой, сегодня только приходящее ко многим из нас понимание важности здравого смысла, который только и может осуществить мечту Владимира Владимировича о настоящем читателе.

Анализ этих лекций и интервью позволяет соискателю установить составляющие модернистского этоса, лежащего в основе жизни и деятельности Набокова: либерализм, агностицизм, секулярность, космополитизм, убежденность в ценности культуры и своей работы в ней, вера в слово и уверенность в его значимости, а главное – потрясающая способность к регенерации после многочисленных жизненных потрясений.

Отдельного, пусть и зримо краткого, упоминания заслуживает та часть диссертации, которая озаглавлена И. В. Сергиенко как «Приложения», состоящая из материалов интервью, которые в разное время и разным СМИ

давал Набоков. Вначале воспринятый как не совсем релевантный главной цели исследования фрагмент, он впоследствии воспринимается в качестве весьма важного для набоковского литературоведения пространством узуса, расширяющим уже ранее сложившееся представление о его эстетических приоритетах конструирования жизни как произведения искусства, открывающим широкой публике стратегии художественного сопротивления тоталитарной норме. В этих интервью Набоков ведет себя как образцовый житель современного города, взыскующий новых общественных пространств для публичного перформативного высказывания. Именно о нем пишет А. Аппель, вспоминая «световой рейтинг» русских писателей на одной из лекций Набокова (см. суперобложку книги: Набоков В. В. Лекции по русской литературе. - М. 1996), и как перформансы предстают в структуре диссертации великие американские писатели. Так, оценка Дж. Сэлинджера как идеального писателя строится на его способности вживания в образ главного героя и мастерское использование мистификаций, пристрастном отношении к деталям и продуманности композиции; у Дж. Апдайка отмечается оригинальный сюжет и метафорический язык повествования; У. Фолкнер неприемлем из-за его откровенной реалистичности, «копирующей действительность», «вызывающей чувство тошноты» (С. 244); Э. Хемингуэй характеризуется как непревзойденный рассказчик, но одновременно показывается художественная беспомощность «Старика и море».

Бесспорно, здесь явно ощущается безудержный субъективизм, вообще часто определяющий такого рода характеристики в американской критике. Так, в недавней статье И. Щербак (см: Щербак, И. Эхо войны в творчестве Сэлинджера. – «Звезда», Санкт-Петербург, 2015, №9) помещено интересное наблюдение об отношении пары упомянутых выше писателей друг к другу. Сэлинджер, в целом тепло относившийся к Хемингуэю, писал в то же

времени об «отвращении», которое у него вызывает в романе «Прощай, оружие!», в частности: «превознесение как высшей добродетели голой физической отваги, так называемого мужества».

Субъективизм Набокова во многом питается ревностным неприятием Владимиром Владимировичем поистине всенародной любви, которой был окружен Хемингуэй в СССР несмотря на то, что в романе «По ком звонит колокол» он крайне скептически отзывался о знакомых ему испанских коммунистах.

Достоверность и новизну научных положений и выводов диссертанта воочию подтверждает обоснованная в ее работе идея о том, что не только набоковское творчество ценно, не только констатацией мысли о его своеобразной интертекстуальной призме для современной русской литературы. Возможно, в отношении таких писателей, как А. Черчесов, М. Палей, М. Шишкин, О. Славникова, Б. Акунин и некоторых других это и выглядит вполне достаточной идентификацией, но в случае, скажем, с Дмитрием Галковским и, что особенно очевидно, с Татьяной Толстой, претендующей на особый модернистический «интеллектуализм» своей прозы, очевидно вмешательство и другого дискурса – литературоведческого, возникающего благодаря блестящей методологической осведомленности упомянутого автора. Её брат, Иван Толстой признан в кругу набоковедов, или, если угодно, набоковианцев, весьма серьезным специалистом, вполне вероятно обратившим внимание своей старшей сестры именно на дидактическое наследие Владимира Владимировича. Ведь именно в лекциях Набокова, посвященных анализу творчества великих русских писателей, представлен обширный доказательный материал, который столь изощренно использует Толстая в своих публицистических выступлениях эпохи 80-х годов, вызвавших столь гневную реакцию правой критики (см. В. Бушин. С высоты своего кургана // Наш современник, 1987, №8. С. 182-185).

Совершенно верно, что, прежде всего, в этих разборах Набокова, ставших для многих доступными уже в семидесятых годах минувшего века и известным студентам филфака МГУ им. Ломоносова благодаря изложению В. Н. Турбина, обнаружился со всей очевидностью столь релевантный советской эпохе тип художника, уповающего «на терапевтический эффект сочинительства, литературы, потустороннего мира и знаков судьбы, кукол, двойников и псевдодвойничества, ложных пропорций и гротескных отождествлений» и пр., пр.

Нам представляется, что именно в отмеченных выше смысловых «ядер» работы, Ирина Владимировна демонстрирует свой личный вклад в разработку одной из самых интересных проблем новейшей истории русской литературы, со всей убедительностью безукоризненных аргументов утверждая, что В. В. Набоков выработал свою собственную технологию анализа, или Теорию о трех ипостасях Великого художника, постоянно «подчеркивая сугубо личный характер своих высказываний» (с.188), включающим бдительность, подозрительность и скептичность, ну а в целом то, что принято называть «иронией».

Полученные И. В. Сергиенко результаты находят свое подробное освещение в выводах и заключении к работе, в которых диссертант суммирует свое представление о том, в каких областях применимы результаты исследования. Они весьма ценны и содержательны. Автор демонстрирует немалое научное мастерство и аналитическую зрелость, эрудицию, умение разбираться в сложных проблемах, что со всей очевидностью проявляется в трех опубликованных статьях в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, а также в семи других, не менее серьезных и глубоких публикациях и автореферате.

Диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным (можно перечислить

пункты от 9 до 14, см. файл «Пункты Положения...») Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации о порядке присуждения ученых степеней от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор, И. В. Сергиенко, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

21.04.2016

Официальный оппонент:

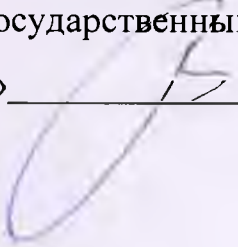
доктор филологических наук

(10.01.01 – русская литература), профессор,

профессор кафедры языкознания, русской филологии

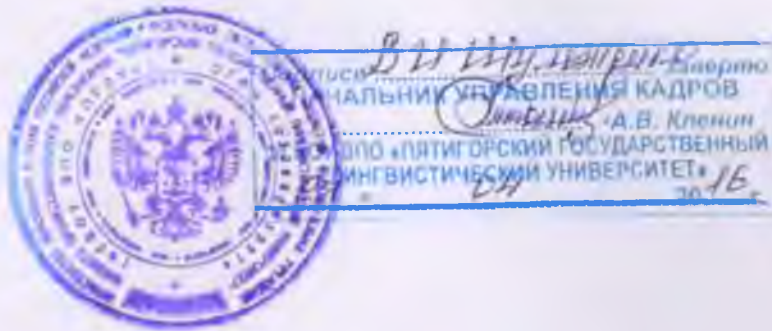
литературного и журналистского мастерства

ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный

лингвистический университет» В. И. Шульженко

Контактная информация: Шульженко Вячеслав Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания, русской филологии литературного и журналистского мастерства ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет»; 357 532, Российская Федерация, Пятигорск, проспект Калинина, 9. Телефон раб.: (879 3) 400347; моб.: 8 928 314 94 01; slawick.shulzhenko@yandex.ru; официальный сайт организации E-mail: www. pglu.ru

21 апреля 2016 года

Список основных научных трудов
официального оппонента, доктора филологических наук,
профессора Шульженко Вячеслава Ивановича
по теме диссертации Ирины Владимировны Сергиенко
«В.В. Набоков – литературовед и преподаватель литературы
(на материале лекций)»

1. Шульженко, В. И. «Кавказский текст» Золотого и Серебряного века как антиномия / В.И. Шульженко // *L'unité sémantique de l'Age d'argent. Centre d'Etudes Slaves Andre Lirondelle. Université Jean Moulin Lyon.* – 2010. – 3. P. 113-126.
2. Шульженко В. И. Поэтика трагедии в «кавказском тексте» русской литературы // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета.* №4, 2011. 271 – 276.
3. Шульженко В. И. и др. Кавказ в жизни и творчестве М. Булгакова: взгляд из XXI века // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета.* №4, 2011. С. 205 – 210.
4. Шульженко, В.И. Две реальности «кавказского» текста русской литературы в границах «нулевых» годов / В.И. Шульженко // *XXI век. Итоги литературного десятилетия: язык–культура–общество. Материалы международной научно-практической конференции.* Под ред. А.Ю. Большаковой и А.А. Дырдина. – 2011. С. 82-89.
5. Шульженко, В.И. Дискурсионная классификация «кавказского текста» / В.И. Шульженко // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета.* – 2011. – № 4. С. 263 – 270.
6. Шульженко, В.И. Пушкин с нами! или Кавказ вчера и сегодня / В.И. Шульженко // *XXVI Пушкинские чтения. Сборник научных докладов: К 200-летию открытия Царскосельского лицея и 45-летию Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина.* Сост. В.В. Молчановский. – 2011. С. 130-140.

7. Шульженко, В.И. Чехов, Фуко, Шахназаров: «Палата № 6» как мир / В.И. Шульженко // Европа чете Чехов. Международна научна конференция. Велико Търново. Доклади и съобщения. – 2012. С. 363-370.
8. Шульженко, В.И. Ранний Булгаков в парадигматике «Кавказского текста» русской литературы / В.И. Шульженко // Михаил Булгаков, его время и мы. Коллективная монография. Под ред. Гжегожа Пшебинды и Януша Свежего. – 2012. С. 255-269.
9. Шульженко, В.И. Творчество Лермонтова как объект научных рефлексий. / В.И. Шульженко // «Лермонтов, Россия, Кавказ: движение во времени»: материалы Международной научной Лермонтовской конференции. – 2014. С. 14-24.
10. Шульженко, В. И. И вновь о лермонтовской дуэли / В.И. Шульженко // М. Ю. Лермонтов: межкультурный диалог на Евразийском пространстве. Материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения поэта. – 2015. С. 320-326.
11. Шульженко, В. И. Трагедия несвободы: от «Кавказского пленника» А.С. Пушкина до «Хоровода» А. Уткина / В.И. Шульженко // «Кавказ». Открытый литературно-художественный альманах. – 2015. – Выпуск № 12. – С.143-152.
12. Шульженко, В.И. Русскоязычная литература как феномен межкультурной коммуникации / В.И. Шульженко // Университетские чтения – 2015. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – 2015. – Часть 1. С. 28-35.
13. Шульженко, В.И. Литература народов Кавказа на русском языке: смена статуса / В.И. Шульженко // Наследие Ю.И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории материалы первой Международной научной практической конференции. – 2015. С. 210-213.
14. Шульженко, В.И. Харизма как свойство персонажа: способы презентации в художественном дискурсе / В.И. Шульженко // Вестник

Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 3. С. 129-131.

15. Шульженко, В. И. Сюжетная типология современного «кавказского» рассказа / В.И. Шульженко / В.И. Шульженко // Мир русского слова. – 2015. – № 3. С.85-90.

Шульженко Вячеслав Иванович

357 502, Ставропольский край, город Пятигорск, улица Апрельская, 13.

29.01.2016 г.

slawick.shulzhenko@yandex.ru

+7 928-314-94-01

Доктор филологических наук,
профессор кафедры языкознания,
русской филологии,
литературного и журналистского мастерства
ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный
лингвистический университет»

В.И. Шульженко

